



М. С. НЕКЛЮДОВА

«Милость»/«правосудие»: о французском контексте пушкинской темы

В заметках о роли «милости» и «правосудия» в социально-этических взглядах Пушкина В. Э. Вацуро указал, что сопоставление этих понятий восходит к политическому словарю XVIII века *. Однако язык эпохи оперирует целым рядом близких терминов («милость», «милосердие», «правосудие», «право́та»), причем образуемые ими пары («милосердие/правосудие», «правосудие/право́та») хотя и являются вариациями одной темы (правитель призван не только следить за исполнением закона, но и смягчать его излишнюю суровость, руководствуясь чувством естественной справедливости), не всегда совпадают с пушкинской формулой.

Между тем инвокация «милости» и «правосудия» прежде всего свойственна французской правовой риторике XVII века, впоследствии переосмысленной просветителями. Речь, конечно, идет не о генезисе определенной политической концепции — зависимость идеологии Просвещения от рационализма предшествующего столетия хорошо известна — но об одновременном присутствии в русском общественном сознании разных понятийных пластов, чему способствовала ситуация культурного билингвизма. Таким образом, предлагаемые ниже соображения имеют преимуще-

* Вацуро, В. Э. Из историко-литературного комментария к стихотворениям Пушкина // Пушкин: Исследования и материалы. — Л., 1986. — Т. XII. — С. 314–319.

ственно терминологический характер, а попутно возникающие параллели с «Капитанской дочкой» и «Анджело» можно отнести к разряду типологических наблюдений.

Во французском языке XVII века понятия «милость» [grâce] и «правосудие» [justice] обладают широким спектром значений, из которых мы выделим лишь те, что связаны со взаимоотношениями монарха и подданного. Наиболее очевидным здесь является правовой аспект: согласно словарю Фюретьера (1690), милость [grâce] иногда противопоставляется правосудию [justice], строгости, и тогда означает прощение... Король дарует милость, если преступление заслуживает прощения... Когда преступление совершено невольно или случайно, или в случае законной самообороны. Король выпускает указы о помиловании [lettres de grâce]... Только Король может даровать милость... Подначальные судьи всегда суровы, монархи могут миловать*.

Теоретически монарх не вмешивается в процесс судопроизводства, оставляя за собой право отменить приговор. Поэтому непосредственная апелляция к королевскому правосудию обычно продиктована желанием добиться крайней меры наказания. Сен-Симон упоминает случай, когда знатная дама, у которой была похищена дочь, бросилась к ногам Людовика XIV, «требуя полного правосудия [justice dans toute son étendue]». В ответ король спросил, «вполне ли она представляет охват оно́го», ибо его согласие было бы равносильно смертному приговору ее будущему зятю**. «Полное правосудие» — это безоговорочное следование

* Dictionnaire universel, Contenant généralement tous les mots françois, tant vieux que modernes, et les termes des sciences et des arts. Par Mre. Antoine Furetiere. — La Haye, — 1727. — Т. 2 (n. pag.). Article “Grâce”. Формулировка отчасти повторена в статье “Правосудие” [Justice], которое определяется как твердое и непрестанное стремление воздать каждому по справедливости... Заботу о правосудии король препоручает судьям... Правосудие иногда означает строгость и противопоставляется милости [grâce]... В указах о помиловании [lettres de remission] король объявляет, что предпочитает милосердие [miséricorde] правосудию... Взывать к правосудию значит требовать возмездия, наказания за преступление (Ibid. — Т. 2. Article “Justice”).

Напомним, что в XVII и XVIII вв. король мог вынести приговор без суда, для этого использовались так называемые «указы о заточении» [lettres de cachet].

** Saint-Simon. Mémoires. Additions au Journal de Dangeau. 8 vols. — P., 1982–1988. — Т. 3. — P. 158.

букве закона, которое не оставляет места милости, что, заметим в скобках, умаляет роль верховной власти *.

За рамками собственно юридической сферы в терминах «милости» и «правосудия» или «справедливости» (слово «justice» включает оба значения) описывается принципиально незафиксированный механизм отношений монарха и дворянства, согласно которых, по удачному выражению кардинала де Реца¹, «ничто не содействует так, как умолчание» **. Борьба за власть между королевским двором и аристократией, активизировавшаяся в эпоху регентства Анны Австрийской², породила у обеих сторон желание объясниться. Следует подчеркнуть, что эти попытки не были систематическими, более того, только сходство словесных формулировок говорит об их неслучайном характере. Так, маршал де Ла Мотт, один из фрондеров, перешедших на сторону двора, выразил недовольство оказанным ему приемом следующим образом:

«Королева воздала мне по справедливости, вознаградив меня, но не оказала милости [La Reine m'a fait justice, m'ayant satisfait: mais elle ne m'a point fait de grâce]» ***.

Суть претензии заключалась в том, что с точки зрения вельможи, удовлетворение его требований являлось «естественным» долгом королевской власти, но для поддержания личной преданности была необходима милость. Между тем противная сторона использовала ту же терминологию для своих целей. Как свиде-

* Негативный смысл апелляции к «правосудию» ускользнул от внимания Александра Дюма, который в «Трех мушкетерах» интерпретирует формулу «милость/правосудие», следуя логике XIX столетия: «Приказывайте, Государь, сказал он [Ришелье], вы имеете право помилования [le droit de grâce], — Помилование может быть применено только к виновным, — возразил де Тревиль, желавший, чтобы последнее слово осталось за ним. — А мой мушкетер невиновен. Поэтому, Государь, вы восстановите справедливость, а не окажете милость [ce n'est donc pas grâce que vous aile/ faire, Sire, c'est justice]» (Dumas, A. Les Trois Mousquetaires. — P., 1984. — P. 185). Ср. с подлинной репликой одного польского дворянина, который в 1830 г. писал императрице: «Если бы я нуждался в милосердии [si j'avais besoin de clémence], то не стал бы отнимать время у Вашего Величества; я взываю к правосудию императора [c'est la justice de l'Empereur que j'invoque]» (цит. по: Cotson, F. De la Pologne et des cabinets du Nord. — P., 1841. — Т. 2. — P. 91). Пользуюсь случаем поблагодарить В. А. Мильчину, любезно указавшую мне на этот факт.

** Кардинал де Рец. Мемуары. — М., 1997. — С. 60.

*** Mémoires de Mme de Motteville sur Anne d'Autriche et sa Cour. — P., 1886. — Т. 2. — P. 432.

тельствует Рец, двор разделил эти притязания [фрондеров] надвое, назвав одни прошениями о справедливости, а другие — о милости [elle distingua ces prétentions sous le titre de celles de justice et de celles de grâce], и на свой лад изъяснил различие между ними *.

Исходя из контекста можно предположить, что большая часть требований оппозиционеров была отнесена к категории “милости”, и потому оставлена без внимания.

Итак, соотношение «милости» и «правосудия/справедливости» в принципе нестабильно, хотя сама по себе формула остается неизменной. Усиливаясь, монархическая власть старается максимально расширить границы «милости», тем самым ущемляя привилегии благородного сословия. Соответственно меняется и акцентировка понятий: если во времена Фронды дворянство требует «милости», воспринимая «справедливость» как должное, то в эпоху Людовика XIV именно апелляция к «справедливости» становится признаком оппозиционности. Бюсси-Рабютен, бывший в опале после выхода в свет его памфлета «Любовная история галлов»³, писал Людовику XIV:

«Я знаю, что даже если Ваше Величество и не оказывает милостей [ne ferait point de grâces] достойным людям, заслужившим когда-то Его неприязнь, то все равно воздает им по справедливости [elle leur rendrait justice]» **.

Насколько можно судить, в начале восемнадцатого столетия верховная власть вообще перестает реагировать на подобные обращения. Сен-Симон, хорошо знавший регента герцога Орлеанского, с горечью констатировал, что от него нельзя было добиться ни милости, ни справедливости [ni grâce ni justice], а только вырвать их путем страха, которому он был бесконечно подвержен, или крайней надоедливостью ***.

Осмысление «милости» и «правосудия/справедливости» как одного из принципов, регулирующих отношения монарха и дворянства оказало несомненное влияние на Монтескье. То, что единовластное правление, при котором подданным приходится полагаться на милость государя, противоречит природе монархии,

* Кардинал де Рец. Указ. соч. — С. 211.

** Mémoires de Roger de Rabutin, comte de Bussy. — P., 1697. — Т. 2. — P. 225–226. Ср. с приватным замечанием Бюсси, что «тот, кто не может добиться справедливости, еще более далек от милостей [qui ne pouvoit avoir justice, estoit bien éloigné d’avoir des grâces]» (Ibid. — P. 211).

*** Saint-Simon. Op. cit. — Т. 5. — P. 246.

было ясно уже Сен-Симону⁴ — он нередко сравнивал Людовика XIV с азиатскими деспотами*. Судя по записным книжкам, Монтескье смущала зыбкость обоих понятий, их различное звучание в устах монарха и в устах подданного:

«Слово “справедливость” [justice] часто двусмысленно: Людовика XIII называли Справедливым, ибо он хладнокровно наблюдал за исполнением мстительных планов своего министра. Он был суров, а не справедлив».

И далее:

«Правитель, прощающий своих подданных, нередко считает, что совершает акт милосердия [acte de clémence], тогда как на самом деле вершит правосудие [acte de justice]. Напротив, когда он карает, ему кажется, что это правосудие, но на самом деле это тирания»**.

Хотя эти рассуждения прежде всего касаются сферы судопроизводства, речь по сути идет о том, что идея правосудия не существует сама по себе, но возникает при столкновении разных систем представлений. В «Персидских письмах» есть максимально обобщенная формулировка данной мысли:

* Самовластный характер милости Людовика отметил в «Персидских письмах» и Монтескье: «Он думает, что царственное величие не должно быть ничем стеснено в даровании милостей и, не разбираясь, заслужено ли он осыпал того или иного милостями, полагает, что самый его выбор уже делает человека достойным монаршего благоволения» (Монтескье, III. Персидские письма. — М., 1956. — С. 102).

В «Духе законов» делается более широкое обобщение:

«Монархия гибнет, когда государь полагает, что он покажет большее могущество, изменяя порядок вещей, чем соблюдая его неизменным, когда он отнимает у одних принадлежащее им по праву должности, чтобы произвольно передать их другим, и когда он более влюблен в свои фантазии, чем в решения своей собственной воли» (Монтескье III. О духе законов. — М., 1999. — С. 105).

** Montesquieu, Ch. Oeuvres complètes. 2 vols. — Т. 1. — Р. 1155, 1440. Сходную позицию, но с точки зрения христианской морали, сформулировал Боссюэ. когда в своей проповеди «О правосудии» призывал: «Научимся же жертвовать своими интересами во имя христианского милосердия; и когда мы прощаем обиды, не будем уверять себя, что мы оказываем милость [que nous faisons une grâce]. Поскольку то, что может быть милостью [grâce] для человека, всегда справедливость [justice] для Бога» (Oeuvres complètes de Bossuet. — Р., 1862. — Т. 9. — Р. 655).

«Справедливость — это условленное соотношение, которое действительно существует между вещами [La Justice est un rapport de convenance, qui se trouve réellement entre deux choses]» *.

Таким образом, правосудие нельзя просто приравнять к закону, тем более идентифицировать его с волей правителя **. В монархическом государстве справедливость определяется балансом между юридическими нормами и традицией, причем хранителем последней является дворянство с присущим ему кодексом чести ***. Монарх же должен поддерживать действенность этого механизма, противопоставляя ему милость.

Взгляды Монтескье на милость подробно изложены в «Духе законов», поэтому перечислим лишь основные положения. Государь не имеет права судить своих под данных, ибо он лишился бы прекраснейшего атрибута своей власти — права помилования [celui de faire grâce]; было бы неразумно, если бы он выносил решения и затем сам же их отменял... Не говоря уж о том, что при таком порядке оказались бы спутанными все понятия: никогда нельзя было бы знать, оправдан ли человек по суду или помилован государем ****.

Монарх — живое воплощение милости, и, в каком-то смысле, ее пленник (ср. с утверждением Узбека в «Персидских письмах», что «французские короли... всегда несут с собой милость [portent toujours avec eux la grâce] для преступников. Если человеку повезет увидеть августейшее лицо государя, этого достаточно, чтобы он перестал быть недостойным жизни» *****).

Но, пожалуй, наиболее существенным дополнением к пониманию милости, сделанным автором «Духа законов», можно считать ее функцию медиатора между двумя видами «справедливости»,

* Montesquieu, Ch. Op. cit. — P. 256. В существующем русском переводе опущены некоторые важные аспекты этого определения (ср.: Монтескье, III. Персидские письма. — С. 201). О его философском подтексте см.: Mason, S. M. Montesquieu's Idea of Justice. The Hague. 1975.

** Ср. с «персидской» точкой зрения, что в Европе право является наукой, которая учит государей, до каких пределов могут они нарушать справедливость [violer la justice], не нанося ущерба собственным интересам, в то время как акт правосудия [acte de justice] состоит в том, чтобы лишить государя тех преимуществ, которые он может извлечь из нас (Монтескье, III. Персидские письма. — С. 221, 223).

*** Монтескье, III. О духе законов. — С. 37–38.

**** Там же. — С. 75–76.

***** Монтескье, III. Персидские письма. — С. 239.

т.е. законом и честью. Как говорит Монтескье, в монархиях, где управляет честь, часто требующая того, что запрещает закон, милосердие [clemence] более необходимо [чем в республике]. Опала там равносильна каре; даже формальности судопроизводства являются наказаниями *.

Монтескье принципиально отказывается определить границы милости, поскольку такая регламентация привнесла бы в монархию элемент республиканского строя **. На ее императивный характер обратит внимание Екатерина II, когда, делая выписки для «Наказа», пометит: наиболее прекрасным атрибутом монарха является милость [celui de faire grâce]. Никто не должен выходить недовольным от государя ***.

Интересно, что хотя это почти дословная цитата из «Духа законов», в ней совмещены две системы представлений. У Монтескье речь идет конкретно о помиловании («прекраснейшем атрибуте монарха»), т. е. о взаимодействии «правосудия» и «милости». Что же касается фразы «никто не должен выходить

* Монтескье, Ш. О духе законов. — С. 88. Монтескье, как и его современники, не делает различия между “милостью” [grâce] и “милосердием” [clemence], когда речь идет о судебных материях. В XVII веке идея “милосердия” чаще связывалась с отказом монарха от личной мести (см.: «Цинна, или Милосердие правителя» Корнеля) или с прощением настоящего преступника. Призыв к милосердию, в отличие от милости, был равен признанию вины.

** См.: Монтескье, Ш. О духе законов. — С. 88. Энциклопедия Дидро и д’Аламбера напротив ставит перед собой задачу систематизации милости, определения ее основных параметров: «Государь... может помиловать [peut faire grâce], к примеру, в силу следующих причин: если помилование принесет больше пользы, нежели наказание; если виновный или виновные оказали большие услуги государству; если они занимают высокое положение в обществе; если обстоятельства делают их ошибки извиняемыми; если их много; если они были соблазнены примером других: если закон не применим к их случаю, — во всех этих и сходных случаях государь имеет право помилования, которое он должен всегда использовать к общественному благу, поскольку общественным благом измеряются все наказания, и если у государя есть веские причины не давать полного помилования, он должен склоняться к смягчению правосудия [lorsqu’il n’y a point de fortes raisons au souverain de faire la grâce entière, il doit pencher à modérer sa justice] (Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. — Genève, 1779. — Т. 16. — Р. 414).

*** Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении нового уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. — СПб.. 1907. — С. XXII (оригинал по-фр.).

недовольным от государя», то тут автор «Духа законов» повторяет слова президента Белльевра⁵, сказанные им Людовику XIII, Как уже упоминалось ранее, ультимативное требование милости — отличительная черта дворянского сознания первой половины XVII века. Подобная крайность неприемлема для Монтескье, который лишь утверждает, что правосудие несовместимо с личным присутствием монарха*. Насколько можно судить, Екатерина усиливает понятие «милости» сообразуясь с современными ей представлениями о «правосудии» [justice] и «справедливости» [équité] (или, по русской терминологии XVIII века, «правоты»). В Энциклопедии Дидро и д'Аламбера говорится, что справедливость [équité] часто смешивают с правосудием [justice], однако последнее скорее назначено для вознаграждения или наказания в соответствии с законом или установившимся порядком, нежели согласно различным обстоятельствам совершенного поступка**.

Связь между понятиями подробно изложена в статье «Право» [Droit]:

«Правосудие [justice]... это добродетель, состоящая в том, чтобы воздавать каждому по справедливости; право же является практическим применением этой добродетели, а юриспруденция — наукой о праве. Справедливость [équité] иногда противопоставляют праву, поскольку последнее означает закон, взятый в наибольшей его строгости, в то время как справедливость, стоящая выше любых законов, отклоняется от них, когда это необходимо»***.

Таким образом, «правосудие», «право» и «закон» синонимичны, а «правота» — чувство естественной справедливости — более или менее соответствует «милости», с той разницей, что последняя является не общечеловеческим качеством, но прерогативой монарха. Следует добавить, что экстракты из статей “Droit” и

* См.: Монтескье, Ш. О духе законов. — С. 74–77, а также приведенную выше цитату из «Персидских писем» (примеч. 16). Эта мысль отчетливо выражена и в «Наказе» (глава 10, § 149): «Самодержец представляющий и имеющий в своих руках всю власть обороняющую все общество может один издать общий о наказании закон, которому все таены общества подвержены, однако он должен воздержаться... чтобы самому не судить» (Наказ императрицы Екатерины II. — С. 38).

** Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné. — Genève. 1778. — Т. 12. — Р. 889.

*** Op. cit. — Т. 11. — Р. 385.

“*Équité*” также были использованы Екатериной при подготовке «Наказа»^{*}.

Подводя черту под вышесказанным, попытаемся определить степень релевантности наших терминологических штудий с точки зрения проблемы «милости»/«правосудия» в поздних произведениях Пушкина. Нет сомнения, что реплика Маши Мироновой «Я приехала просить милости, а не правосудия»^{**} имеет целый ряд аналогов как в русской, так и в западноевропейской традиции, которые объясняются определенным языковым этикетом разговора между монархом и подданным. Апелляция к милости (в отличие от «справедливости», будь то “*justice*” или “*équité*”) поверх легально-бюрократической системы призвана напомнить государю о личной, иррациональной природе его отношений с каждым членом дворянского сословия, и в то же время означает отказ от более законных претензий^{***}. С другой стороны, если условно отождествить историческую Екатерину времен составления «Наказа» с ее литературным двойником из «Капитанской дочки», то ее поведение вполне соответствует моделям, разработанным Монтескье и энциклопедистами. Еще до беседы с Машей она «из уважения к заслугам и преклонным летам отца, решилась помиловать преступного сына» (VIII, 369) и изменила приговор, тем самым — пользуясь выражением Энциклопедии — имея «веские причины не давать полного помилования», склонилась «к смягчению правосудия» (см. примеч. 18). Заметим, что как последовательница «Духа законов» она была не в праве еще раз пересматривать свое решение, однако встреча с Машей Мироновой кардинально меняет дело, ибо «никто не должен выходить недовольным от государя», а лицемерие царственной персоны равносильно прощению. Кроме того, нежелание Петруши Гринева оправдаться, его «непреодолимое отвращение» (VIII, 368)

^{*} См.: Павлова-Сильванская, М. П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). — М., 1964. — С. 486.

^{**} Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. — М.; Л., 1937–1949. — Т. 8. — Кн. 1. — С. 378. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, с указанием римской цифрой тома и арабской — страницы.

^{***} О других аспектах понятия «милости» в «Капитанской дочке» см.: Вацуро В. Э. Указ. соч. С. 314–319; Лотман Ю. М. Идеальная структура “Капитанской дочки” // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3 т. — Таллинн, 1992. — Т. 2. — С. 416–429.

при мысли, что Маша может быть впутана в судебный процесс, подпадает под сформулированный Монтескье тезис о дворянской чести, для которой «даже формальности судопроизводства являются наказаниями», и дополнительно обязывает императрицу проявить милость*.

«Анджело»⁶, где проблема соотношения милости и правосудия выведена, на первый план, также имеет некоторые точки пересечения с теорией Монтескье и стоящей за ней традицией**. Изначальная ситуация — преобладание обычаев, пусть даже порочных, над законом — естественна для монархического правления, поскольку оно покоится на укоренившемся предрассудке (чувство чести). Согласно автору «Духа законов», «добродетельные государи встречаются нередко», но «очень трудно достигнуть того, чтобы в монархии народ был добродетельным»***. Когда Дук решает исправить положение путем временного самоустранения, он ставит под угрозу сам принцип государственного устройства: резкое изменение установленного порядка вещей, равно как и замещение справедливости суровостью, ведет к деспотии****. Впрочем, положительным контрпримером здесь могут служить «Приключения Телемака» Фенелона⁷, где появление наместника (Ментора) и введение новых законов позволяет упрочить государство. Препоручив власть Анджело, Дук его «и в ужас ополчил и милостью облек»

* Отметим недавнюю попытку — на наш взгляд, слишком категоричную — сопоставить общую модель поведения Петруши Гринева с поведением французских дворян, участвовавших в гражданских беспорядках середины XVII века (см.: Лукьянец И. В. «Капитанская дочка» А. С. Пушкина и традиция французского мемуарного романа XVII–XVIII веков // Русская литература. — 1997. № 1. — С. 106–112).

** В рамках настоящей работы, к сожалению, невозможно рассмотреть вопрос о взаимодействии источников: английская теория права, отразившаяся в «Мере за меру», оказала несомненное воздействие на взгляды Монтескье. Предлагаемые соображения касаются лишь тех аспектов «Анджело», которые могли быть результатом обратной проекции некоторых положений «Духа законов» на шекспировскую пьесу. Об источниках поэмы см.: Левин, Ю. Д. Некоторые вопросы шекспиризма Пушкина // Пушкин. Исследования и материалы. — Л., 1974. — Т. 7. — С. 79–85.

*** Монтескье, III. О духе законов. — С. 30.

**** Там же. — С. 105–106. Несоразмерность наказания, назначенного Клавдио, тоже свидетельствует о вырождении монархии, ибо только в деспотическом государстве, «которое не прощает никому и которому также никогда не прощают», все преступления караются смертью (Там же. — С. 86).

(V. 108), однако, в отличие от правосудия, милость неотчуждаема от монарха, это часть его природы» *. Более того, когда Анджело становится правителем, он вынужден и выносить приговор, и гарантировать его исполнение, т. е., с точки зрения теории Монтескье, у него нет возможности проявлять милосердие. Естественное распределение обязанностей восстанавливается по возвращении государя: Анджело осуждает самого себя на казнь и получает прощение Дука, и таким образом «милость» и «правосудие» занимают положенные им места.



* Развивая мысль Ю. М. Лотмана, что в «Анджело» наличествует противопоставление «истинного» и «ненастоящего» правителя (Лотман, Ю. А. Идейная структура поэмы Пушкина «Анджело» // Лотман Ю. М. Избранные статьи. — Т. 2. — С. 430–444), отметим: именно милость / милосердие отличает одного от другого и придает верховной власти сакральный оттенок. Эта идея отчетливо выражена в «Цинне» Корнеля.

Д. И. Белкин**«Вечер у Кантемира» К. Н. Батюшкова
и «Арап Петра Великого» Пушкина**

Печатается по: Белкин, Д. И. «Вечер у Кантемира» К. Н. Батюшкова и «Арап Петра Великого» Пушкина // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1988. — Вып. 22. — С. 121–130.

¹ См. в настоящем издании.

² *Вальтер Скотт* (1771–1832) — считается основоположником жанра исторического романа. Роман «Пират» был опубликован в 1822 г., «Квентин Дорвард», посвященный событиям во Франции времен правления Людовика XI, в 1823 г.

³ *Анри-Бенжамен Констан* (1767–1830) — французско-швейцарский писатель и публицист, политический деятель времен Французской революции, бонапартизма и Реставрации. Автобиографический роман «Адольф», (Женева, 1806; Лондон 1816), был особо отмечен А. С. Пушкиным. Главный герой этого романа стал прототипом романтического героя — «сына века».

⁴ Т. е. *Вольтер* — имя при рождении *Франсуа-Мари Аруэ* (фр. *François Marie Arouet*).

⁵ *Бернар Ле Бовье де Фонтенель* (1657–1757) — французский учёный и писатель. Одно из самых известных его творений — «Беседы о множественности миров» (“*Entretiens sur la pluralité des mondes*”, 1686).

Мария Сергеевна Неклюдова

Преподаватель кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства РГГУ, специалист в области французской и английской историографии XVI в.

М. С. Неклюдова**«Милость» / «правосудие»: о французском контексте
пушкинской темы**

Печатается по: Неклюдова, М. С. «Милость» / «правосудие»: о французском контексте пушкинской темы // Пушкинские чтения в Тарту. — Тарту, 2000. С. 204–215.

¹ *Кардинал де Рец* (1613—1679) — архиепископ Парижа, выдающийся деятель Фронды, автор знаменитых мемуаров.

² Эпоха Регентства при малолетнем Людовике XIV длилась с 1643 по 1651 гг.

³ *Роже де Рабютен, граф де Бюсси (Бюсси-Рабютен) (1618–1693)* — французский военачальник, исторический писатель, член Французской академии. «Любовная история галлов» (фр. *Histoire amoureuse des Gaules*, 1665) — сатирическая хроника любовных походов аристократии при дворе короля Людовика XIV. После публикации немедленно был заключен в Бастилию, а затем сослан.

⁴ *Луи де Сен-Симон, герцог (1675–1755)* — один из самых знаменитых мемуаристов, автор подробнейшей хроники событий и интриг версальского двора времен Людовика XIV и Регентства.

⁵ «Анжелю» — поэма Александра Сергеевича Пушкина, оконченная 27 октября 1833 года и напечатанная в альманахе «Новоселье», ч. 2, 1834, вышедшем в свет в апреле 1834. Написана шестистопным ямбом с вольной рифмовкой.

⁶ *Франсуа де Салиньяк де Ла Мот-Фенелон* — см. примеч. 12 к статье М. В. Разумовской.

К. Н. Батюшков

Вечер у Кантемира

Печатается по: Батюшков, К. Н. Вечер у Кантемира // Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе / АН СССР; Изд. подгот. И. М. Семенко. — М.: Наука, 1977. — (Лит. памятники). — С. 34–51.

Л. Н. Толстой

Избранные мысли Монтескье

Печатается по: Толстой, Л. Н. Избранные мысли Монтескье // Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Воуенарга и Монтескье. — М., 1908. — С. 245–252.

¹ Толстой опирался на двухтомное издание произведений Монтескье, хранившееся в его библиотеке в Ясной Поляне: *Montesquieu Ch.-L. Oeuvres de Montesquieu*. 2 vol. Paris: A. Belin, 1817. Здесь в разделе «*Pensées diverses*» было помещено 101 изречение французского философа, из которых 37 в переводе Толстого вошли под названием «Избранные мысли Монтескье» в книгу «Избранные мысли Лабрюйера, с прибавлением избранных афоризмов и максим Ларошфуко, Воуенарга и Монтескье» (1908). На сегодняшний